

Джерела

Андреев 2006: Андреев А. Маргинал: романы и повесть / А. Андреев. – Минск: Макбел, 2006. – 320 с.
Словари: Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступу: <http://dic.academic.ru>.

Кураш Сергей

Метафора как объект изучения лингвометафорологии: состояние и перспективы

В статье даётся типологический обзор дефиниций и описаний понятия «метафора», представленных в лексикографических изданиях XX-XXI вв., а также анализируется функционирование данной терминологической лексемы в современных дискурсивных практиках, в том числе вне собственно терминологической функции. Установлено, что метафора – не просто термин, не просто языковое средство, а сложный и семантически амбивалентный концепт, характерный для языкового (и метаязыкового) сознания образованного носителя русского языка. Поэтому задачу фиксации всего объёма концептуального наполнения анализируемой терминологической лексемы нельзя признать решённой в полной мере. Это одна из перспектив как для научной (терминологической) лексикографии, так и для теоретической метафорологии.

Ключевые слова: метафора, метафорология, термин, концепт.

Kurash Sergey

Metaphor as an object of study of linguo-metaphorology: state and prospects

The article provides a typological overview of the definitions and descriptions of the concept "metaphor", which presented in lexicographical publications of the XX-XXI centuries, as well as examines the functioning of the terminological lexemes in modern discursive practices, including outside the actual terminology function. It is established that metaphor is not just a term, not just a language feature, but a complex and semantically ambivalent concept, characteristic of the linguistic (and metalinguistic) consciousness of the educated Russian speakers. Therefore, the problem of fixing the whole concept of filling the analyzed terminological lexeme can not be considered completely solved. This is one of the prospects for scientific (terminological) lexicography and theoretical meteorologie.

Key words: metaphor, meteorology, the term, concept.

Надійшла до редакції 26 грудня 2016 року.

Ольга Радчук

УДК 811.161.1'1

ДЕРИВАЦИОННЫЙ СУППЛЕТИВИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НАРУШЕНИЯ СИММЕТРИИ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ

Дериваційний суплетивізм представлено в когнітивному аспекті, оскільки саме ментальні процеси багато в чому зумовлюють наявність цього граматичного явища в мовній системі. Дериваційний суплетивізм схарактеризовано як вияв порушення симетрії в мовній системі та особливий спосіб утворення нових слів, що відбиває когнітивні здібності людини. Мовні дані дозволяють зробити висновок про те, що дериваційний суплетивізм розвивався як під дією власне лінгвальних, так і екстралінгвістичних чинників, що впливають на створення мовної картини світу.

Ключові слова: дериваційний суплетивізм, когнітивні здібності людини, порушення симетрії в мовній системі, мовна картина світу.

Супплетивизм как грамматическое явление характерен для всех индоевропейских языков, в том числе, – и для славянских. Хотя в русском языке данный способ выражения грамматических значений является непродуктивным, он достаточно широко представлен в научных грамматиках. Тем не менее, неизученные вопросы, связанные с супплетивизмом (диахроническое формоизменение, типология супплетивизмов, критерии для классификации супплетивных форм, деривационный супплетивизм как отдельный тип) требуют дальнейшего развития. Указанные проблемы вызывают неугасаемый научный интерес, о чем свидетельствуют появившиеся в последнее время работы [Бабаев 2013; Чумакина 2004; Шмелев 2013].

Цель статьи – показать, что деривационный супплетивизм является проявлением нарушения симметрии в языковой системе и особым способом образования новых слов, отражающим когнитивные способности человека.

Деривационный супплетивизм или, как его называют лингвисты, квазисупплетивизм, еще не был объектом отдельного рассмотрения в когнитивном аспекте, хотя именно ментальные процессы во многом обуславливают наличие данного грамматического явления в языковой системе, это и определяет **актуальность исследования**.

А.Е. Кибрик, обосновывая когнитивный подход к языку, писал, что «в основе современного когнитивного подхода к языку лежит идея целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы. Реконструкция опирается на постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру» [Кибрик 2015: 32].

Языковая форма может быть мотивирована как чисто лингвистическими факторами (например,

фонетическими особенностями языка), так и внешними по отношению к языковой системе (например, частотностью использования, узуальным и окказиональным употреблением).

Отсутствие предсказуемости и регулярности в закреплении семантики за формой дают обсервационные данные в русском, украинском и белорусском языках:

Таблица 1

Проявление супплетивизма в восточнославянских языках

Восточнославянские языки	I русский	II украинский	III белорусский
Словоизменительный супплетивизм	<i>цель – цели</i>	<i>мета – цілі</i>	<i>мэта – мэты</i>
Словообразовательный супплетивизм	<i>год – столетие</i>	<i>рік – сторіччя</i> <i>рік – століття</i>	<i>год – стогоддя</i>

Языковой материал, представленный в таблице, наглядно показывает, что словоизменительный супплетивизм может проявляться только в одном из родственных языков, хотя гетерогенные корни (-цел- и -мет-) имеют место в каждом языке. Например, в русском языке существует шаблонная фраза *идти к намеченной цели, хорошо прицелиться* на белорусском языке звучит, как *добра прыцэліцца*. Последние примеры относятся к деривационному типу супплетивизма. Лексемы трех языков, указанные в таблице, также демонстрируют неоднородность корней, участвующих в процессе деривации в близкородственных языках. С целью выявить особенности проявления деривационного супплетивизма в русском языке, мы используем языковой материал и других славянских языков.

При описании одинаковых объектов и явлений действительности в разных языках преобладают различные языковые формы. В свою очередь, эти расхождения объясняются более глубинными различиями в структурах языков. А.А. Потенбня в статье «Язык и народность», устанавливая взаимосвязь между языком народа и народностью, указывал на то, что «сходное в двух языках одного происхождения происходит не от того, что пути их развития действительно сходятся, а от того, что, расходясь от одной точки, они некоторое время идут почти параллельно друг подле друга» [Потенбня 1993: 168].

Интересным представляется тот факт, что в русском языке основы *год* и *лет* являются непроизводными, утратившими связь с мотивирующей формой, и во вторичном номинативном значении имеют общую семантику – «срок, счетная форма» [Комплексный словарь 2009: 178], которая сохраняется с древних времен. Как первичные звенья деривационной цепочки, они образуют непересекающиеся парадигмы, что закреплено синтагматически в языковой системе. Например, *летопись, летописание, летоисчисление*, хотя наряду с последним возможно и *годоисчисление*.

Свое значение лексема *лет* сохраняет в таких словах и устойчивых словосочетаниях: *однолетний, однолетние растение, многолетний, многолетние травы, двулетники, столетие, сколько лет не виделись, долгие лета, многие лета*. Только два последних словосочетания имеют симметричные оппозиции: *долгие годы, многие годы*, в других вариантах они отсутствуют.

В идиоматическом выражении – *сколько лет, сколько зим* – вторая часть присоединилась ассоциативно, поскольку слово *лето* в древности обозначало не только три летних месяца, а весь календарный год. В этом значении оно упоминалось в таком историческом документе, как «Договор великого князя Олега с греками», датированный 907 годом. Данная семантика сохранялась до XV века, что нашло подтверждение в летописях того периода [Забелин 2008: 277].

Древние славяне, первоначально занимавшиеся скотоводством, а позже земледелием, зависели от природных явлений и свою жизнь изначально соотносили с солнечным календарем. Новый год начинался в день весеннего равноденствия – особого астрономического явления, которое в древности имело большое сакральное значение для славян. С ним связывали обновление и очищение живой природы. Некоторые исследователи связывают этимологию слова *лето* с ирландским *lith* «праздник» и усматривают в нем первоначальное значение «праздник природы» [Цыганенко 1989: 212].

Не случайно словенское слово *god* также означает «праздник, пора зрелости, итог», поскольку слово *год* когда-то служило для подведения итогов. В языке южных и западных славян оно до сих пор сохраняется в этом значении. В древнерусском языке слово *угодить* имело семантику «сделать что-то вовремя и этим доставить удовольствие, радость», данное значение передают и слова других частей речи с корнем *-год-*: *годный, угодно*, т.е. «позволено, желательно».

Несмотря на то, что деривационный потенциал непроизводной основы *год* был реализован в несимметричных супплетивах как русского, так и украинского языков, ядерная сема во всех новых словах сохраняла позитивную семантику. Негативную коннотацию приобретали только дериваты, образованные с помощью отрицательного префикса *не-* (например, в русском языке – *непогода, негодный, негодяй, негодовать, негодование*; в украинском языке – *негода, незгода*). Отсутствие строгой симметрии в новообразованиях во

многим объясняется неосознанной селекцией номинативных единиц носителями языка, но в то же время закреплением их повседневной практикой использования в речи.

Семантика анализируемых слов имеет общую историко-культурную основу, а новые значения отражают индивидуально-авторское видение мира. Например, в «Словаре неологизмов Игоря Северянина», составителем которого является В.В. Никульцева зафиксировано слово *однолетник*, наполненное новым образным содержанием. Окказионализм И. Северянина передает значение “ровесник, одного возраста”: «Со мною Гришка – *однолетник*, шалун, повеса из повес...». Лексикограф В.В. Никульцева квалифицирует новообразование как имя существительное, мужского рода, с пометой – разговорное [Никульцева 2008: 263]. Слово *однолетник* в толковых словарях русского языка презентовано с семантикой “однолетнее растение”. Авторский неологизм И. Северянина имеет узуальный коррелят-синоним *однолеток* / *однолетка*, употребляемый в значении “человек одних лет с кем-нибудь, ровесник”, приводимое в лексикографических источниках также с пометой – разговорное. В разговорном дискурсе используется синоним *одногодок*, фиксируемый в словарях русского языка со значением “тот, кто одних лет с кем-либо”: *друзья-одногодки* [Комплексный словарь 2009: 573]. Нормативный адъектив *однолетний* является многозначным, поскольку имеет два значения: «1. Продолжающийся один год, годовичный. 2. Развивающийся и отмирающий в течение одного года (спец.) *Однолетние растения*» [Ожегов 1987: 359].

Еще один синоним находим в словарной статье, посвященной слову *год* в словаре В.И. Даля: *годовик* “однолеток, годовалое, переогодававшее животное”. Нельзя не обратить внимание на то количество дериватов от слова *год*, которое представлено в указанном лексикографическом источнике: *година*, *годовщина*, *годовой*, *годушний*, *годовалый*, *годовщик* “годовой работник”, *годовать* “жить, пребывать, оставаться где-либо целый год”, многие из которых вышли из употребления и превратились в историзмы [Даль 2010: 178].

Реконструировав древнейшую семантику украинского глагола *годувати*, оказывается, что его этимология так же связана со словом *год*. Хотя в украинском языке слово *год* было вытеснено словом *рік*, оно сохраняется в устойчивых оборотах речи: *згодом*, *добра година*, *лиха година*, а украинский глагол *погодитися* в переносном значении удерживает присущую корню сему “сделать что-то приятное, нужное”. В украинском языке полностью наследовалась форма и семантика глагола *годитися* из древнерусской формы *годитися* “быть нужным, необходимым”, из которого в дальнейшем развилось *годити* “помогать”, а позже *годувати* “кормить”.

В работе А.А. Потебни «Мысль и язык», которая явилась манифестом психологизма в отечественном языкознании, ученый объясняет различные расхождения, несоответствия в близкородственных языках ментальными особенностями народов. Лингвист полагает, что «психология народов должна показать возможность различия национальных особенностей и строения языков, как следствие общих законов народной жизни» [Потебня 1993: 39].

Социально-психологическая рефлексия носителей языка проявляется в дифференцировании первоначальных сходных форм, семантическая аналогия и частотность использования которых приводят к нарушению симметрии не только на лексико-семантическом уровне, но и в грамматике, что является внутренним лингвальным фактором развития языка.

О несимметричности языковой системы в семиотическом аспекте говорят и современные исследователи когнитивисты, поскольку изучение языкового знака «теснейшим образом связано со знанием, познанием, когнитивией, и в этом смысле оно всегда являлось когнитивным» [Лещева 2014: 8]. Л.М. Лещева указывает на то, что «в центре внимания всех когнитологов, изучающих архитектуру и функционирование сознания, оказался естественный язык человека, поскольку все когнитивные процессы (восприятие информации, категоризация и концептуализация, запоминание, догадка и др.) наиболее ярко проявляют себя именно в наблюдаемой речи, в языковой системе» [Лещева 2014: 8].

Лингвист-когнитолог Л.М. Лещева, описывая регулярную полисемию в классе имен существительных, делает замечание по поводу того, что в английском языке слова *dog*, *goose*, *duck*, как и их корреляты в других языках, являются полисемичными, но при этом они не имеют совпадений в грамматическом роде. Автор объясняет это тем, что в английском языке «перенесение имени с рода на особь в значительной степени связано с различиями в значимости определенной особи животных в практике людей в момент номинации, в частности, большей значимости женских особей гусей и уток и мужских особей собак. Не исключено, однако, и роль случайности, о чем свидетельствуют различия в коррелятивных структурах слов в разных языках. Так, в русском языке словом *гусь*, помимо названия рода птиц, именуют, в отличие от английского языка, мужскую особь этого рода, т.е. используют во вторичной номинации на гиперо-гипонимической основе только название мужской особи, а название женской особи образует в этом случае лакуну» [Лещева 2014: 171]. Несмотря на то, что толковые словари фиксируют наименование самки гуся как *гусыня*, данный вариант коррелятивной формы чаще используется в разговорной и диалектной речи наряду с нормированной формой литературного языка. Например, «...*впереди их, как плавный гусь, понеслась хозяйка*» [Гоголь 1959: 101].

Связь между значением существительного и его грамматическим родом может проявляться у наименований домашних птиц на гетерогенной основе (*петух* – *курица*, *утка* – *селезень*), так как реальные различия по полу обозначаются разными словами. Примечательным является то, что названия детенышей в таких парах либо представлены однокоренным словом, связанным деривационными связями с одним из “родителей” (например, *утёнок*), либо вообще не совпадает ни с одним из родовых оппозитивов: *цыплёнок*.

Наименования некоторых животных также не отличаются последовательностью, которая в наименованиях птиц, хотя и имеет исключения, но является более системной. У многих зоонимов, имеющих

хозяйственное значение (*бык – корова, жеребец – кобыла, овца – баран*), различны три номинации: мужская, женская особь и название детеныша (*жеребёнок, телёнок, ягнёнок*). В приведенных примерах представлен словообразовательный супплетивизм: суффикс *-онк-* присоединяется к разным корням, придавая им значение “детёныш”. В этом же значении в дублирующей паре *конь – лошадь* имеется образование на уровне диалектной лексики *лоша*, что соответствует нормативному деривату в украинском языке.

Приведенные корреляционные оппозиции демонстрируют отсутствие повторяемости языковых знаков уже на ранних этапах развития языка, что прослеживается в этимологии супплетивных номинативных единиц. Древнейшее происхождение супплетивов и более позднее объединение их в категории на основе общности значения связаны с животным или растительным миром. Это не случайно, поскольку жизнь человека была неотделима от жизни прирученных домашних животных, выращивания корма для себя и своих питомцев, поэтому и номинативные единицы на ранних этапах языка образовывались на конкретной основе. Познание окружающей действительности и самого себя требовало появления новых слов, уже не с конкретным, а абстрактным значением от разных корней, а уже при абстрагировании наименований наблюдался переход гетеронимии в супплетивизм.

Люди издавна облакали свои мысли в структуры, которые образовывали единство грамматики и лексики. По выражению Ю.Н. Караулова, такие структуры представляют собой «ассоциативно-семантическую сеть с включенной в нее и в значительной мере лексикализованной грамматикой» [Караулов 2010: 87]. Несмотря на то, что созданная человеком наивная языковая картина мира была симметричной, изначально формировалось отсутствие повторяемости элементарных знаков в деривационных парадигмах, что в итоге привело к нарушению симметрии в языковой системе.

Деривационный супплетивизм развивался как под влиянием собственно лингвальных, так и экстралингвистических факторов. Системное представление супплетивных форм представляет супплетивизм как отсутствие материальной повторяемости знака и определяет его роль в создании языковой знаковой системы.

Литература

- Бабаев 2013: Бабаев К.В. Об определении и типологии супплетивизма / К.В. Бабаев // XLI Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 26-31 марта 2012 г.: Избранные труды / Отв. ред. А.С. Асиновский, С.И. Богданов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – С. 10-16.
- Забелин 2008: Забелин И.Е. Русская летопись и ее сказания о древних временах / И.Е. Забелин // История русской жизни с древнейших времен / И.Е. Забелин. – М.: Эксмо, 2008. – С. 260-322.
- Караулов 2010: Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
- Кибрик 2015: Кибрик А.Е. Когнитивный подход к языку / А.Е. Кибрик // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С.29-60, ил. – (Вклейка после с.368). – (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
- Лещева 2014: Лещева Л.М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л.М. Лещева. – М. Языки славянской культуры; Знак, 2014. – 256 с. – (Разумное поведение и язык. Language and reasoning).
- Потебня 1993: Язык и народность / А.А. Потебня // Мысль и язык. – К.: СИНТО, 1993. – С. 158-185.
- Потебня 1993: Мысль и язык / А.А. Потебня. – К.: СИНТО, 1993. – 192 с.
- Чумакина 2004: Чумакина М.Э., Hippisley A., Corbett G. Исторические изменения в русской лексике: случай чередующегося супплетивизма / М.Э. Чумакина, А. Hippisley, G. Corbett // 2004. Рукопись.
- Шмелев 2013: Шмелев А.Д. Супплетивизм или синонимия? / А.Д. Шмелев // Международная филологическая конференция «Языкознание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов», Москва, 24-26 октября 2012 г.: Избранные труды, 2013. – С. 573-586.

Источники

- Даль 2010: Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия / В.И. Даль. – М.: Эксмо, 2010. – 736 с.: ил. – (Российская императорская библиотека).
- Комплексный словарь русского языка / А.Н. Тихонов, Е.Н. Тихонова, С.А. Тихонов и др.; под ред. д-ра филол. наук А.Н. Тихонова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2009. – 1228 с.
- Никульцева 2008: Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря Северянина / В.В. Никульцева. – М.: Азбуковник, 2008. – 379 с.
- Ожегов 1987: Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / С.И.Ожегов // Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987. – 750 с.
- Цыганенко 1989: Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка / Г.П. Цыганенко. – 2-е изд., переаб. и доп. – К.: «Рад. шк.», – 1989. – 511 с.

Радчук Ольга

Деривационный супплетивизм как проявление нарушения симметрии в языковой системе

Деривационный супплетивизм представлен в когнитивном аспекте, поскольку, именно ментальные процессы во многом обуславливают наличие данного грамматического явления в языковой системе.

Деривационный супплетивизм характеризуется как проявление нарушения симметрии в языковой системе и особый способ образования новых слов, отражающих когнитивные способности человека. Языковые данные позволяют сделать вывод о том, что деривационный супплетивизм развивался как под воздействием собственно лингвальных, так и экстралингвистических факторов, влияющих на создание языковой картины мира.

Ключевые слова: деривационный супплетивизм, когнитивные способности человека, нарушения симметрии в языковой системе, языковая картина мира.

Radchuk Olga

Derivational suppletivity as the manifestation of the symmetry violation in the language system

Derivational suppletivity is considered in cognitive paradigm since, it is mental processes that mainly predetermine this grammatical phenomenon existence in the language system. Derivational suppletivity is characterized as the manifestation of the symmetry violation in the language system and a special means of word-formation reflecting human cognitive abilities. Linguistic data make it possible to conclude that derivational suppletivity developed due to both proper lingual and extralingual factors that influence the world mapping.

Key words: derivational suppletivity, human cognitive abilities, symmetry violation in the language system, world mapping.

Надійшла до редакції 23 грудня 2016 року.